

Избранные народы, города и люди

или

О Москве и москвичах

(Отрывок из книги «Поезд отправляется»
www.literatur-viktor-prieb.de)

Друг звался Валерой, был примерно на десять лет старше Отца, жил в Москве и работал в одном из центральных научно-исследовательских институтов в той же самой области науки, что и Отец. Когда Отец был еще в аспирантуре и «пахал» над своей диссертацией, он решил ехать в Москву к этому Валере.

Валера еще не был тогда его другом, а всего лишь его коллегой. Отец хотел подискутировать с ним о своей диссертационной работе. Ехать в Москву представлять перед защитой свою диссертацию, входило в правила игры – без Москвы не обходилось же совершенно ничего в этой стране.

Москвичи были к этому привычны и этим избалованы. Вследствие этого развилось в них еще с исторических времен такое чувство превосходства, какое развилось у древних римлян в их историческое время в их бесконечной империи по отношению к другим, обозначенным ими как «варвары» народам вне их империи и из-за которого их империя в конечном итоге и исчезла с лица Земли. В последующих послеримских империях это чувство развилось почему-то у самих германских «варваров» по отношению к другим сортам «варваров» как вне, так даже и внутри их империй. Это, несмотря на кроющееся за ним довольство самими собой и своими качествами, неумное качество является однако же естественным для всех избранных или объявивших себя избранными народов, более мелких человеческих групп или даже отдельных личностей.

Из Москвы приходили деньги для науки на периферии, распределенные московскими исследовательскими институтами и их сотрудниками главным образом в больших, но также и в не очень больших чинах. Заказы на исследования направлялись через научно-хозяйственные договоры дальше в периферийные институты и оплачивались через московские институты государственными деньгами.

Оформленные в отчеты результаты исследований шли назад в Москву. Там они оформлялись одним или несколькими заказчиками-москвичами в больших или малых чинах в их диссертации. За это можно было считаться с хорошим отзывом из Москвы для собственной, периферийной диссертации. Этот отзыв очень даже нравился Высшей аттестационной комиссии – опять же в Москве – и способствовал признанию искомой научной степени после защиты у себя дома на периферии, равно как и выдаче соответствующего диплома этой центральной комиссией в Москве.

Валера приехал когда-то в Москву из сибирской деревни, из самых простых слоев, воспитанный овдовевшей матерью – его отец погиб в войне на советской стороне. Он учился, женился на москвичке, имел с ней двух дочерей, работал и защитился со временем – то есть все, как и положено было быть.

Его жена как истинная урожденная москвичка любила поговаривать:

– Мы бы жили еще лучше и зажиточнее в Москве, если бы не было этих колхозников из окрестных деревень и областей с их закупками в запас. Они ежедневно прибывают тысячами в Москву и опустошают мясные отделы наших магазинов!

Эти тогда всем известные «колбасные поезда» из Москвы служили небольшому выравниванию неравного распределения в Советской распределительной системе. Эта

распределительная система была в этом месте особенно несправедлива и, казалось, переложила хоть в некоторой мере более справедливое распределение на «колбасные поезда».

Вся империя опустошалась из Москвы и должна была платить Москве дань. Все продукты распределялись из Москвы и большинство при этом оставалось в Москве, Киеве, Харькове и Ленинграде, которые были объявлены коммунистическими городами. Они должны были демонстрировать иностранцам советскую зажиточность, в то время как остальные – от иностранных гостей отгорожены – могли вымирать с голоду, предоставленные самим себе.

Супруга Валеры в ее московской надменности была очевидно убеждена, что ее разграбляемое колхозниками мясо растет на московских задворках на деревьях и, соответственно, только москвичи имеют право на него. За двадцать лет под одной крышей с этой женщиной эта надменность не миновала полностью и Валеру.

Все же в одном он был другой. Он исследовал для своих публикаций и для своей диссертации сам – впрочем, он и не был в каких-то больших или малых чинах – исследовал много и успешно. Его публикации были известны и его мнение ценилось среди коллег.

К нему-то и решил ехать тогда Отец, чтобы представить свою диссертацию; поговорить о еще не решенных в работе проблемах, к решению которых Отец имел вдохновляющие по его мнению идеи, которые должны были безусловно пробудить интерес Валеры и вдохновить его на совместную работу с Отцом – тем более, что решение некоторых проблем было завязано на имеющееся у Валеры в Москве экспериментальное оборудование.

Это было снова одно из типично отцовских наивных представлений, при которых он ничего не хотел знать о чужом, определяющем реальность опыте. В этой доказанной опытом реальности считалось все же нормальным представлять работу в Москве. Дискутировать было уже менее нормальным, но работать с москвичами совместно над собственными проблемами и идеями считалось просто невыносимым.

Но Отец своевольно и своелогично считал, что наука по своей природе демократична, и все ее служители равны, что как раз здесь нет «моих» или «твоих» проблем, и каждая дискуссия среди равных о решаемых в совместной работе проблемах – при условии, конечно, что одна основополагающая идея вдохновляет и мотивирует участников к совместной работе – служит только лишь объективности научных результатов и таким образом продвижению вперед науки, а не одного отдельного ученого.

Так что для него было правдой только то, что было логичным. И это в «дурдоме», функционеры которого боялись любой логики и объективности, как Черт ладана.

*

Роль пива в жизни общества или о друге Валере и о романтике трудностей

Отец поехал туда. Стояла поздняя весна. В Москве все цвело. Почти каждый день в течение целого месяца он штурмовал и осаждал эту крепость надменности посредством того, что он снова и снова отмечался, согласовывал время встреч, шел в институт и проводил там дни без того, чтобы добиться хоть малейшего согласия на совместную работу.

Одним между тем жарким летним днем они оба сидели в институте: Отец – с твердой решимостью сидеть здесь до последнего и Валера – с отчаянным лицом осужденного, который только что осознал, что помилование невозможно. Все другие сотрудники уже давно поуходили.

– Любишь ты пиво? – спросил, внезапно на «ты», Валера – Мы бы могли пойти в какую-нибудь пивную и там все обговорить. У меня жажда! – почти простонал он под конец.

– Боже мой! – подумал Отец – Наконец-то я добился своего. На этой надежной почве, когда два мужика общаются за питьем пива, мы можем быть только на равных между собой и забыть все примитивные предубеждения и заблуждения! – и ответил:

– Естественно, я люблю пиво и меня тоже мучает проклятая жажда! Только я не знаю тут вблизи никаких пивных. Если Вы переймете роль вожака, то мы можем тут же и отправиться! – он посчитал уместным оставаться для начала субординационно на «Вы».

Сказано – сделано! Через пять минут они были снаружи и маршировали по старым узким улочкам, преследуя их отныне общую и так внезапно объединившую их цель. Маски были сняты! Вместе шли два нормальных мужика с их различным и потому друг другу так интересным жизненным опытом, о котором они тут же и начали говорить.

Не было больше коллег – одного младшего и одного старшего, которые стояли на субординационном расстоянии друг от друга в их титулах и позициях и терзали друг друга той научной дребеденью, которой они и без того были пресыщены в буднях уже только из-за одной их профессии. Фальшивые копы, которыми они прямо-таки бились друг с другом, были отброшены! Пивные кружки и мужской разговор стали оружием успеха, которое привело к взаимопониманию и, в конечном итоге, к дружбе.

За парой углов они узрели свою «фата моргана»¹ – желанную и, как показалось Отцу, хорошо знакомую Валере пивную. Они пили на теплом, вечернем воздухе, в лучах постепенно заходящего солнца холодное, освежающее пиво и жевали к нему вяленую рыбу, которую надо было перед этим грязно и мучительно потрошить и чистить. Уже давно были выяснены персональные вопросы типа «Кто есть кто?» и разговор лился непринужденно, как пиво, о том и сем, что кому как раз придет в голову.

Валера доложил к теме «Рыба», что он со своими корешами ездит, иногда, в отпуск в Астрахань и там, внизу, на Волге рыбачит

– Эту вот ты можешь забыть! – заметил Валера, имея ввиду их рыбу, которую они прихватили по пути сюда в лавке и теперь потребляли к пиву – То, что мы там ловим и едим – вот это рыба!

– Я правда не рыбак, – заметил Отец – но что я на Севере Сибири за рыбу едал, пойманную и приготовленную местными рыбаками, вот ту бы ты попробовал хоть разок!

Между делом пали последние барьеры и они с обоюдной душевностью «ты»-кали друг другу.

– Чего это ты потерял на Севере Сибири? – неожиданно заинтересовался Валера.

– Ах, да так. Я езжу туда с моей бригадой каждое лето еще со студенчества, чтобы подзаработать денег, которые мне необходимы зимой, чтобы иметь возможность дальше заниматься наукой. Мою научную деятельность я расцениваю в связи с этим как мое хобби. Ты же знаешь, что с наших окладов в нашей отрасли не зажируешь.

– Это всяко! – охотно согласился Валера.

– Мы строим там – в течение отпуска до двух месяцев и иногда при шестнадцатичасовом рабочем дне без выходных – все, что там только есть строить, снимаем деньги и – домой!

– Я бы с вами тоже разок охотно поехал! – внезапно заявил Валера.

– Если б ты хоть представлял себе, о чем ты говоришь..., – подумал скептически Отец, критически оглядывая Валерину маленькую и худощавую фигуру.

Эти так называемые «калымы» на Севере были для Отца святым и не для каждого подходящим делом. Там, по его мнению, была настоящая жизнь! Там была необходима не только мускульная сила, а – и даже прежде всего – высшая степень выносливости. Там они попадали в условия, которые никакой нормальный человек – не говоря уж о таком ученом из Москвы – не может себе даже представить.

– Это ж должно быть романтично! – забуривался между тем Валера все дальше в свою идею.

– Ну да-а. Романтика, вообще-то, не наша цель при этом. Но если ты говоришь, то так тому и быть: на все спяющем солнце короткого северного лета, днем, а иногда и ночью – в белые ночи забываешь время – пожираемый всевозможными видами паутов, комаров, мух и мошки выполнять и выдерживать тяжелейшую работу без всяких особенных механизмов и техники, включая технику безопасности – это где-то романтично.

¹ *Мираж – кажущаяся картина, например оазис с источником, которая может появиться жаждущему путнику в пустыне за счёт своеобразного преломления света в неравномерно горячем воздухе*

– Ну ты вообще! Еще и белые ночи к тому же! И все это среди корешей..., – не дал себя запугать Валера намалеванными Отцом рабочими ужасами и его иронией.

– Да уж, среди корешей должно быть все отлажено. У нас в бригаде каждый отвечает как сам за себя в своей работе, так и друг за друга в целом. Вся тянут за одну веревку. Если кто-то ленится или сдаётся, то другие должны работать за него. Все предприятие с заключительным успехом не может быть поставлено даже под вопрос, поскольку правильная и полная деньга со всеми премиями гарантирована только предусмотренной в аккордном договоре сдачей строительного объекта «под ключ».

– Это же почти так же, как у альпинистов, которые воспевают себя в их песнях как образец надежности и мужской дружбы и тем самым вызывают зависть к себе у других.

– Не был в горах ни разу, – сухо заметил на это Отец. – Никогда также не имел для этого денег и нахожу это тупостью – искать трудностей и перегрузок, за которые потом еще приходится и самому платить. От посвященных, однако, слышал, что некоторые веревки уже обрезались этими певунами, когда и впрямь доходило до дела. Среди моих мужиков на Севере такого не случалось еще ни разу, хотя они себя никогда и не воспевают. Там мужики проверяются на их порядочность и товарищество за кратчайшее время и без всяких психоаналитических затрат. Там и нет ни малейшей возможности что-то скрыть – ни в совместном житье в короткие рабочие перерывы, которые ограничиваются только жратвой и спаньем, и уж совсем нет во время этой изнурительной работы плечом к плечу, где все, висят на одной «веревке».

– Ты, как я вижу, не очень-то любишь альпинистскую романтику!

– Я не очень-то люблю, если серьезные и опасные вещи выискиваются искусственно и превращаются в забаву. У меня никогда не было необходимости делать это искусственно!

– У меня тоже нет. Но про них я могу понять, что они ищут скорее своего рода самоосвобождения и самоутверждения в горах.

– Может быть. Только я бы не нашел никакого самоутверждения в том, чтобы – вскарабкавшись, как муравей, на пару тысяч метров над головами других людей – чувствовать себя самым великим. Я чувствую себя большим и самоутвержденным только тогда, когда иду к людям, меряюсь с ними силами и оказываюсь первым!

– А как с поисками свободы в нашем удушливо-вонючем обществе?

– Ее я нахожу на Севере в полной мере! Там полная свобода действий, которая существенно привносит и к моей личной свободе – к той, которая совсем не гарантирована в этом обществе и поэтому у многих отсутствует!

– Я не очень тебя понимаю: на Севере ли на Юге – какая на хер разница! Повсюду то же самое общество!

– Там все же иначе. Там все происходит не по тем официально действующим повсюду общественным отношениям. Такая бригада функционирует как ограниченное на пару месяцев по времени, самостоятельное предприятие. Бригадир как руководитель предприятия – эта роль остается из года в год висеть на мне – разъезжает вокруг, ищет подходящие строительные объекты и заказчиков в лице руководителей сельских хозяйств, которым эти объекты до крови из носу нужны и которые держат наготове необходимые для этого деньги. Уже даже на этой почве у нас общие хозяйственные интересы, которые с самого начала ставят торгующиеся стороны в их отношениях – в противоположность к обычным советским субординациям – на одинаковый уровень и освобождают от пустой пропаганды.

– Почему? Эти же руководители и есть те самые партийные функционеры, что и везде!

– Не совсем. Они, прежде всего, хозяйственные руководители, которые не могут позволить себе игнорировать непосредственные реальности прямо на месте, а должны с ними считаться. Чтобы стать такими руководителями, они, правда, должны были вступить в партию. Но в этом они самые низшие – те, которые шантажируются высшими, не желающими ничего об их реальностях знать партийными функционерами. Тогда мы для них появляемся как спасение. Эти люди знают совершенно точно, что они получают возделанный объект готовым через два месяца, если даже и за довольно большие деньги. Строить тот же объект своими силами, если они еще

вообще есть, было бы либо невозможно для них, либо длилось бы так долго, что в конечном итоге стоило бы еще больших денег, особенно если учесть все эти районные и северные надбавки. Таковы их реальности!

– Понял! Выпьем за тебя и твоих мужиков – за хозяев Севера! – засмеялся Валера, внимательно выслушав воодушевленные высказывания Отца.

Смеясь, они выпили за это, но Отец пояснил дальше уже серьезно:

– К сожалению, многие хотят быть «хозяевами Севера», и это приводит к сильной конкуренции. Многие бригады с их предложениями находятся уже ранней весной в дороге и не только местные, а и из всего Союза и, прежде всего, из Средней Азии и с Кавказа, которых в народе называют «грачами». Тут, в этом суровом, деле помогают только свои железные, если и неписанные, правила.

– Этих «грачей» мы тоже видим на московских овощных и фруктовых рынках. Их не особенно любят и не только из-за их космических цен!

– Там тоже не особенно, и это не имеет дела с их мастью или происхождением – в этом сибиряки очень терпимы и великодушны, как, впрочем, и во многом другом. Среди этих «грачей» найдешь лишь редкие порядочные бригады, которые, как и мы, зарабатывают деньги сами. Против них, собственно, нечего возразить, и у нас с ними – если мы работаем в одной деревне – нейтрально-дружеские отношения, как и положено среди коллег. Я и мои мужики уже даже бились иногда на стороне этих «коллег» при стычках с местными, что там тоже в любое время может случиться.

– Это уже звучит как «дикий Запад». Или «дикий Восток»?

– Дикий Север, если уж на то пошло! А может даже и хуже. Эти стычки с местными надо бы, вообще-то, избегать, поскольку они опасны сами по себе и могут принять такой размах, что бригада вынуждена потом резко прервать калым и в ускоренном темпе покинуть деревню. А такое дерьмо совсем не в смысле нашего предприятия!

– Могу себе представить. Почему ж тогда не всегда удается этого избежать?

– Хороший вопрос. Ты же знаешь историю Сибири и сибиряков?

– Я правда родился в Чечне, но после нашей эвакуации в Сибирь во время войны, вырос на Алтае.

– Тогда ты можешь себе представить, в каком обществе мы там возвращаемся.

Валера мог это себе представить.

*